

АГРАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О трансформации деревенского уклада и судьбах сельскохозяйственного производства в России¹

С.А. КУЗЬМИН

Памяти друга.

Ушел из жизни С.А. Кузьмин, посвятивший всю свою жизнь науке и не работавший нигде кроме АН СССР и затем РАН (если не считать временную работу за границей по избранной специальности). Мне посчастливилось работать с ним в экономической комиссии ООН для Африки.

Его жизненный путь достаточно типичен для ученого советской формации: окончил школу с золотой медалью, что позволило поступить в весьма престижный в те годы институт восточных языков, после вуза на всю жизнь работа в институтах Академии наук.

Занятие Индией с ее сложной общественной структурой определило интерес к взаимосвязи социального устройства общества и труда. Работы С.А. Кузьмина заметили, и он получил персональное приглашение работать в Международной организации труда (МОТ), что для ученого в советское время было большой редкостью.

Работа в МОТ – это особый этап в биографии С.А. Кузьмина. Общение с коллегами из многих стран способствовало расширению понимания взаимосвязей в мире, осмысление которых привело к использованию системного анализа для объяснения волнующих Кузьмина проблем. Результаты изысканий автора изложены в ряде научных работ, в том числе в последней книге «Социальные системы: развитие и метаморфозы. К вопросу о перспективах переходной экономики России» («Academia», 2006). Накопленные знания Кузьмин использовал для понимания пути, которым идет Россия. Знание экономики и социальной структуры развивающихся стран, для многих из которых экспорт первичных ресурсов является главным способом зарабатывания денег, привело его к пониманию того, что этот путь не позволяет достичь большего, нежели статуса сырьевого придатка. Почему это происходит достаточно внятно изложено в его работе.

Вывод об опасности сырьевого направления развития России является его завещанием живущим.

В.В. Косов

В статье рассматриваются вопросы, связанные с наметившейся в последние годы тенденцией интенсивного поглощения крестьянских земель крупными коммерческими

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты 06-02-00019а и 05-02-02325а).

структурами в ряде областей РФ – масштабы земельного «передела», отношения, складывающиеся у новых собственников земли с экспроприированным крестьянским населением, перспективы формирования в селе новой социальной структуры и разрушения существующего деревенского уклада. Основываясь на конкретном материале и статистических источниках автор дает свою оценку хозяйственных и социальных последствий рассматриваемого явления, которое, по его мнению, представляет одну из крупнейших системных деформаций в пореформенной экономике России.

К проблеме системных деформаций, искажающих траекторию стационарного развития системы

В отечественной науке, в том числе и в наших предыдущих работах [Стратегия развития 2002; Кузьмин 2001, Кузьмин 2005], уже рассматривалась проблема серьезных системных деформаций в экономиках переходного (нестационарного) типа. Со временем эта проблема претерпевала изменения – некоторые из отмечавшихся деформаций ослабевали в результате целенаправленной деятельности общества или изменения мирохозяйственной конъюнктуры, на их месте появлялись новые. В этом смысле состояние социальной системы нуждается в постоянном мониторинге для постановки задач, актуальных именно для того или иного временного интервала.

Значительная часть масштабных деформаций явилась прямым следствием непродуманных, бессистемных реформ экономики России, особенно в период 1992–2001 гг. В этом смысле можно утверждать, что многие из реформ заложили своеобразные «мины» на пути поступательного развития России. Со временем эти «мины» стали все более явственно проявлять себя во многих сферах народного хозяйства. Подобной «миной» может, на наш взгляд, стать набирающая силу деформация в земельных отношениях, резко ухудшающая условия сельскохозяйственного производства и положение российского крестьянства.

Передел собственности в сельском хозяйстве и его хозяйственные и социальные последствия

Многие начинания реформаторов-неолибералов (приватизация, ваучеризация, отказ от регулирования цен на предметы первой необходимости, монетизация и др.), затеянные ими, возможно, в благих целях, на практике обратились в свою полную противоположность. Это наглядно видно на примере сельскохозяйственного производства. «Паевизация» сельскохозяйственных земель, задуманная, как надо полагать, с целью равномерно распределить землю между непосредственными производителями – крестьянскими хозяйствами, не только не достигла этой цели, но, напротив, послужила очень удобным инструментом захвата крупных земельных массивов отдельными коммерческими структурами.

История земельной реформы в современной России включает два этапа. Первый, начавшийся в 1992 г., наделил крестьян условными «паями» на владение участками бывшей колхозной/совхозной земли, однако паи практически не выделялись в натуре, а если кто-либо из владельцев пая хотел получить реальный участок, это встречало упорное сопротивление со стороны местных администраций и руководителей самих колхозов и совхозов. Кроме того, и организация собственного хозяйства маломощными крестьянскими подворьями во многих случаях была невозможной из-за нехватки стартового капитала. В ходе второго этапа, с 2002 г., начался массовый захват земельных площадей хозяйств путем скупки «паев» бывших колхозников. Крестьянское население, сроду не видевшее «больших денег», поддавалось на уговоры скупщиков, отдавало паи по мизерным ценам, как это в свое время было с ваучерами. В результате, в период «с 2002 по 2005 гг. произошло фактическое перераспределение земель бывших совхозов и колхозов, которые перешли под контроль 15–20 крупных коммерческих структур» [Московия 2006]. В наиболее привлекательных, с коммерческой точки зрения, районах страны² образовались гигантские латифундии. Наиболее привлекательными для новых собственников были, естественно, земли вокруг крупных городов, в первую очередь Москвы.

Отмечается, что владельцы этих латифундий «в большинстве своем не преследуют целей сохранения и развития сельского хозяйства. Особенно в ближнем Подмосковье, где земли будут использоваться под жилищное строительство, размещение предприятий и складских комплексов». По предположению первого зампреда правительства Московской области И. Пархоменко, «в ближайшие несколько лет в радиусе 30–50-километровой зоны от МКАД не останется сельхозпроизводства в том виде и в тех объемах, которые существуют в настоящее время» [Программа «Наша версия» 2006].

Отказ новых собственников от ведения хозяйства – «актуальная проблема» и «в дальних районах Подмосковья, где основная масса населения занята в сельхозпроизводстве... Крайнюю озабоченность вызывает сокращение поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах Каширского, Луховицкого и других районов, *перешедших под контроль различных коммерческих структур*, что приводит к сокращению рабочих мест и возникновению недовольства среди населения [курсив мой – С. К.]» [Московия 2006].

В тех случаях, когда новые землевладельцы, условно говоря, занимаются сельским хозяйством, от этого также происходит мало хорошего, о чем свидетельствуют приводимые ниже данные.

Одна из жизненных историй. Это произошло в Серпуховском районе Подмосковья. Земли бывшего совхоза «Заокский» (кстати, вполне успешного) были приватизированы посредством выкупа крестьянских

² В числе таких районов, где происходит наиболее активный передел крестьянской земли, называются, кроме Московской области, Калининградская, Белгородская, Ставропольская, Краснодарский край [Программа «Наша версия» 2006].

земельных «паев». АОЗТ, возникшее на месте совхоза, получило в собственность 6 тыс. га орошаемых полей совхоза, а почти 2 тыс. работников совхоза остались ни с чем. В их числе – бригада Героя Соцтруда Г.И Рыбаковой. Земли были «куплены» человеком по фамилии Куцериб. В списке лендлордов Подмосковья он занимает одну из верхних строчек, контролируя, по сведениям «Форбса», около 60 тыс. гектаров сельхозземли. Следует упомянуть, что земля была выкуплена практически за бесценок (18 руб. за сотку). Впрочем, сам новый владелец земель не занимается, перепоручив все дела некоему г-ну Младенцеву. Последний сдает землю в аренду бывшим работникам совхоза за весьма произвольную арендную плату. Каков итог? Из упомянутых 60 тыс. га обрабатывается «в лучшем случае» 5 тыс. При этом аренда дается крестьянам на срок менее года, с ежегодной ротацией участков, что делает совершенно бессмысленным для арендатора вкладывать средства в улучшение земли. Необрабатываемые поля «много лет зарастают бурьяном, кое-где уже выросли деревья». В этом (2006) году бригаде Рыбаковой было вообще отказано в предоставлении аренды [Пашня 2006].

Какие мысли навеивает эта грустная история?

Во-первых, подтверждается сказанное выше о выведении крупных массивов земли из сельскохозяйственного оборота. Во-вторых, можно предвидеть неизбежное ухудшение качества этих земель (истощение почв сорняками, закустаривание и пр.). В-третьих, сельскохозяйственный производитель попадает в полную зависимость от самодурства «нового барина». В дополнение к сказанному: по данным областного Минсельхоза, за 2000–2005 гг. возделываемые площади в Подмосковье уменьшились примерно на 500 тыс. га. Владения среднестатистического колхоза – 5 тыс. га. То есть за 6 лет в Подмосковье перестали пахать землю примерно 100 крупных хозяйств [Там же].

Сведения о масштабах захвата колхозной и совхозной земли в Подмосковье впечатляют. Так, журнал «Форбс» перечисляет 9 крупнейших «новых лендлордов» (в числе которых на втором месте стоит упомянутый Куцериб), завладевших участками подмосковной земли от 20 тыс. га (Дыскин, «Ведомство», Светаков, «Абсолют») до 100 тыс. га (Н. Цветков, АПК «Знак», «Уралсиб»). Отмечается, что цифры эти условны, поскольку взяты из оценок самих владельцев. В комментариях «Форбса» указывается, что «у того же Н. Цветкова земли может быть не 100, а 300 тыс. га. А у «Абсолюта» не 20, а все 600 (!) тыс.». По утверждению этого источника, «на земельном рынке Подмосковья орудовали примерно 14–15 группировок» [Феклюнин 2005].

Некоторое представление об общих размерах земельных площадей, которые, как можно предположить, вышли из собственно сельскохозяйственного оборота в России, дает информация Госкомстата РФ о распределении сельскохозяйственных земель (табл. 1).

Таблица 1. Распределение сельскохозяйственных угодий по землепользователям (млн гектаров) *

Годы	Земли, используемые под сельхозпроизводство	в том числе земли				
		Сельхозорганизаций	Фермерских хозяйств	в личном пользовании граждан	из них	
					личных подсобных хозяйств	коллективных и индивидуальных садов и огородов
1990	213,8	209,8	0,1	3,9	2,9	0,9
2000	197,0	157,6	14,5	11,0	5,7	1,6
2003	193,8	147,5	17,8	12,7	6,5	1,5
2004	192,6	142,1	18,7	16,1	6,5	1,5

* По данным Роснедвижимости.

Источник: [Российский статистический ежегодник 2005, с. 437].

Примечание. Согласно «Методологическим пояснениям» Госкомстата о землях в «личном пользовании граждан» – «земля предоставляется гражданам... для выращивания сельскохозяйственных культур или *отдыха* [курсив мой. – С. К.]». [Там же, с. 466].

Если из площади сельскохозяйственных земель, находящихся «в личном пользовании граждан» (16,1 млн га в 2004 г.), вычесть участки «личных подсобных хозяйств», садоводов и огородников (8 млн га), остающаяся площадь (8,1 млн га), или, по крайней мере, большая ее часть, несомненно, попала в руки новых латифундистов и не обязательно используется в сельскохозяйственном (производственном) обороте. Следует отметить, что земельные площади «в личном пользовании граждан» наиболее значительно стали увеличиваться с 2003 г., т. е. в ходе второго этапа земельной реформы, отмеченного массовым переходом крестьянской земли во владение крупных собственников. Земля, находящаяся во владении этих собственников, может либо сдаваться в аренду (превращая их в рантье), либо использоваться для несельскохозяйственных целей (строительства коттеджей, складских помещений, увеселительных заведений и пр.), однако это не отменяет сущности латифундизма как известной в истории политэкономической категории, радикально меняющей существовавший хозяйственный уклад в сельской местности.

Процессы, отмеченные выше, интенсивно идут не только в Подмосковье. Как отмечает директор подмосковного совхоза П. Грудинин, « по всему ЦФО идет снижение [сельскохозяйственного производства. – С. К.]. В других областях еще 5–7 лет назад вырезали весь скот. Целые области вообще прекратили пахать» [Московия 2006].

Вот еще «одна картинка медленной и мучительной смерти луховицкого (Подмосковье) хозяйства «Имени Ильича» [бывший колхоз-миллионер. – С. К.] [Московский комсомолец 2006]. По рассказам колхозников, после скупки основного количества паев у работников хозяйства (паи скупали по умильной цене – 7 руб. 95 коп. за сотку) начался вывоз скотины. «Фермы разворовывают,

трактора уже продавать начали». Для захвата крестьянской земли применялась «самая популярная в последние годы схема отъема угодий. Вокруг какого-либо хозяйства как грибы после дождя начинают появляться фирмы-однодневки, зарегистрированные, как правило, на подставных лиц... В ход идет также разведение акций АОЗТ, созданного на месте колхоза. Земельные активы хозяйства расплываются по дочкам в виде уставного капитала. Угодья уходят сначала в аренду, затем – в субаренду. Получается крайне запутанная многочисленная цепочка, за которой трудно разглядеть, кто стоит за всем этим» [Там же].

К тем жителям села, которые продавать паи не хотели, применялись своеобразные меры воздействия. Вот что на этот счет сообщается из ЗПО «Им. Калинина» (Зарайский район Подмосковья): «Надо отдать должное зарайским дельцам, они до угроз расправой не опустили. Пугали по-своему, по-деревенски – зарплату не дадим, молоко не примем, в тракторе для вспашки частного участка откажем... По информации облпрокуратуры (Подмосковье), по фактам преступлений в сфере земельных правоотношений (мошенничества, самоуправства, злоупотребления полномочиями, подделки документов) в Волоколамском, Клинском, Луховицком, Зарайском и других районах в настоящее время расследуется 12 уголовных дел...» [Там же].

Состояние и динамика сельскохозяйственного производств в России в пореформенный период

Как известно, процессы деградации сельскохозяйственного производства нанесли наиболее сильный удар по крупным сельскохозяйственным предприятиям. Общее число сельхозорганизаций сократилось с 24,5 тыс. единиц в 1990 г. до 20,6 в 2004 г., численность работников – с 8,3 млн человек до 2,9 млн человек. Значительно сократились и сельскохозяйственные угодья в их распоряжении – с 202,4 млн га в 1990 г. до 134,8 млн га. поголовье крупного рогатого скота – с 45,3 млн голов до 12,0 млн, в том числе коров – с 16,0 млн голов до 4,6 млн [Российский статистический ежегодник 2005, с. 444]³.

Несколько возросли земельные площади и объемы производства в хозяйствах населения. Земельная площадь в распоряжении личных подсобных хозяйств населения выросла с 2,9 млн га в 1990 г. до 6,5 млн в 2003–2004 гг. Значительно выросло производство картофеля и других овощей, скота и птицы на убой, молока, шерсти, меда [Там же, с. 437, 444].

Менее интенсивно развивалось фермерское хозяйство, явно не оправдавшее надежд реформаторов на превращение его в основного поставщика товарной продукции на внутренний рынок. Достигнув своего «пика» в 1994–1995 гг. (свыше 280 тыс. хозяйств), число этих хозяйств в дальнейшем снизилось до примерно 261–264 тыс. и оставалось вблизи этой отметки (в 2004 г. – 261,4 тыс.

---

³Согласно методологии Госкомстата РФ, в категорию «сельскохозяйственные организации» включены производственные кооперативы, акционерные общества, государственные предприятия, общества с ограниченной ответственностью, подсобные хозяйства промышленных и прочих предприятий и учреждений [Российский статистический ежегодник 2005, с. 466].

хозяйств). Значительно увеличилась земельная площадь под фермерские хозяйства – с 12,0 млн га в 1995 г. до 19,2 млн га в 2004 г. Средний размер фермерского земельного участка вырос в период 1990–2004 гг. с 41 до 73 га (возможно, за счет укрупнения существующих хозяйств). Распределение земли между фермерскими хозяйствами оставалось крайне неравномерным. По состоянию на конец 2004 г., 56% фермерских хозяйств владело участками до 20 га; наделы до 3 га имели 19,1% фермеров, от 4 до 5 га – 9,3%. Одновременно 6,8% хозяйств имели наделы свыше 200 га, в их владении был 61,2% всей земельной площади фермерских хозяйств. Хотя по некоторым видам продукции в производстве фермерских хозяйств наметился определенный сдвиг, они в этом еще очень далеки от доминирующей роли. Наиболее значительно эти хозяйства продвинулись в производстве зерна, сахарной свеклы, подсолнечника, шерсти (табл. 2).

Таблица 2. Производство основных видов сельхозпродукции по категориям хозяйств (в % от общего объема производства)

Вид продукции	Сельскохозяйственные организации			Фермерские хозяйства			Хозяйства населения		
	1990	2000	2004	1990	2000	2004	1990	2000	2004
Сахарная свекла	100,0	94,4	88,6	0,01	4,9	10,3	0,0	0,7	1,1
Зерно	99,7	90,7	81,2	0,01	8,4	17,4	0,3	0,9	1,4
Подсолнечник	98,6	84,4	74,4	0,0	14,2	24,5	1,4	1,4	1,1
Картофель	33,9	6,5	6,2	0,0	1,1	2,0	66,1	92,4	91,8
Овощи	69,9	19,9	14,9	0,0	2,2	4,9	30,1	77,9	80,2
Мясо скота и птицы	75,2	40,3	44,7	0,01	1,8	2,2	24,8	57,9	53,1
Молоко	76,2	47,3	44,7	0,0	1,8	2,8	23,8	50,9	52,5
Яйца	78,4	70,9	72,8	–	0,4	0,5	21,6	28,7	26,7
Шерсть	75,5	37,5	29,5	0,0	5,4	13,5	24,5	57,1	57,0

Источник: [Российский статистический ежегодник 2005, с. 444].

Крайне негативно пореформенная политика в области сельского хозяйства отразилась на общем поголовье скота в стране (табл. 3).

Таблица 3. Поголовье скота по категориям хозяйств, 1990–2004 (млн голов)

	В хозяйствах всех категорий			По категориям хозяйств, 2002–2004 гг.					
	1990	2000	2004	Сельхоз. организации		Хозяйства населения		Фермерские хозяйства	
				2002	2004	2002	2004	2002	2004
Крупный рогатый скот,	57,0	27,3	23,0	15,0	12,1	10,8	10,1	0,7	0,8
в том числе коровы	20,5	12,7	10,3	5,7	4,7	5,8	5,2	0,3	0,4
Свиньи	38,3	15,7	13,4	9,2	7,0	7,6	5,9	0,5	0,5
овцы и козы	58,2	14,8	17,8	4,7	4,6	9,6	9,8	1,8	3,4

Источник: [Российский статистический ежегодник 2003, с. 420; Российский статистический ежегодник 2005, с. 458].

Вопрос о роли парцеллярного землевладения в народнохозяйственном комплексе России как основной «рабочей лошади», его возможностях внести существенный вклад в продовольственный баланс страны остается спорным. С одной стороны, оно расширяет сферу экономической деятельности населения. С другой – ряд существующих обстоятельств серьезно ограничивает его возможности. Мелкому землевладельцу нужен не только участок земли, но и многое другое (элитные семена, молодняк скота, удобрения, топливо и пр.); держится его хозяйство лишь на чрезмерно интенсивном, нередко изнурительном, труде хозяина, его семьи и наемных работников.

В условиях сложившейся в сельском хозяйстве ситуации крайне важным остается то обстоятельство, что производство зерна, кормов и большинства технических культур пока еще обеспечивается преимущественно крупными хозяйствами, владеющими агротехникой и материальными средствами для ее продуктивного применения. Ранний опыт «экономий» Энгельгардта в южной России и современный опыт крупных производителей зерна и животноводческой продукции за рубежом убедительно подтверждают это. Однако крупное сельскохозяйственное производство в России, пережившее серьезный «шок» в первые годы реформ (расформирование многих колхозов и совхозов), начиная с 2002 г. ставится под еще более серьезный удар в результате массивного передела крестьянской земли.

Еще в советское время в сельском хозяйстве явно наметилась тенденция разделения производственных функций между специалистами и работниками различного профиля (в растениеводстве, овощеводстве, животноводстве, производстве кормов, строительных работах в хозяйстве и пр.). Имело место неуклонное замещение работниками со специализированными знаниями традиционного крестьянина, который занимается практически всем многообразием сельскохозяйственных работ.

Пореформенную земельную политику нельзя расценить иначе, как попытку через мелкоземельное фермерство вернуть крестьянина к его прежнему, «традиционному», типу. Пока неясно, как это движение «вспять» отразится на общенациональных перспективах развития отрасли. Вероятно, компромиссным решением вопроса было бы одновременное существование и *развитие* крупных и малых сельскохозяйственных предприятий (включая семейные), взаимно поддерживающих и дополняющих друг друга.

Существенным негативным фактором пореформенного развития сельскохозяйственного сектора является резкое сокращение его материально-технической базы практически по всем составляющим – сельхозтехнике, использованию минеральных и органических удобрений, наличию энергетических мощностей (табл. 4).

Таблица 4. Материально-техническая база сельского хозяйства (в сельхозорганизациях), 1990–2004 гг.

	1990	2000	2004
Число тракторов на 1000 га пашни, шт.	10,6	7,4	5,9
Число зерноуборочных комбайнов на 1000 га пашни, шт.	6,6	5,1	4,2
Минеральные удобрения, всего, млн т на один гектар всей посевной площади, кг	9,9 88	1,4 19	1,4 23
Удельный вес удобренной минеральными удобрениями площади во всей посевной площади, %	66	27	31
Внесено органических удобрений, всего, млн т на один гектар всей посевной площади, т	389,5 3,5	66,0 0,9	53,2 0,9
Удельный вес удобренной органическими удобрениями площади во всей посевной площади, %	7,4	2,2	3,2
Потребление электроэнергии на производственные цели, всего, млрд кВт-ч. на одного работника, тыс. кВт-ч.	67,3 8,1	30,2 6,6	18,0 5,9
Энергетические мощности, всего, млн. л. с. на одного работника, л. с. на 100 га посевной площади, л. с.	419,7 50,5 364	240,0 51,3 329	173,1 57,2 283

Источник: [Российский статистический ежегодник 2005, с. 447–448].

Учитывая все обстоятельства, а также мирохозяйственный опыт эффективных крупных хозяйств в странах Западной Европы, США, Канаде, Новой Зеландии, Австралии, правомерно поставить вопрос, есть ли реальная перспектива превращения нынешних латифундий в высокоэффективные, современные сельхозпредприятия?

Латифундизм, по нашему мнению, увеличит масштабы тех трудностей, которые в настоящее время стоят перед сельским хозяйством России.

В целом отчуждение сельскохозяйственных угодий в пользу крупных собственников во многих случаях будет иметь следствием фактическое выведение этих земель из производственного оборота в аграрном секторе. Так, по словам директора совхоза им. Ленина (Подмосковье) П. Грудина, «люди, покупавшие землю, а не бизнес, спокойно смотрят на то, как их колхозы загибаются. Где-то режут племенной скот, где-то отключают от котельных теплицы, где-то застраивают орошаемые поля. На восстановление всего этого, если оно вдруг понадобится, уйдут десятилетия.

Но совсем удивительно даже не это, а то, что процессы, способные перевернуть весь уклад жизни в губернии, не вызывают никакой дискуссии ни в обществе, ни в «верхах» [Московский комсомолец 2005].

Можно предположить, что это обстоятельство создаст дополнительные помехи на пути реализации важнейшего «национального проекта развития АПК». Необходимо также учитывать неблагоприятные изменения социального климата в сельских местностях.

Социальные последствия латифундизма

На наш взгляд, негативные социальные последствия данного экономического феномена бросаются в глаза. В первую очередь это – радикальное изменение социального климата в сельской местности. Как было показано на примере бывшего совхоза «Заокский», крестьянин попадает в полную зависимость от нового земельного собственника, который считает, что он может распоряжаться землей полностью по своему усмотрению (кому-то дать аренду, кому-то – нет).

Эти (пока еще может быть немногочисленные) образчики новых отношений в деревне, чем-то напоминающие «крепостное право местного масштаба», в дальнейшем могут получить повсеместное распространение. Ненадежность аренды, целиком зависящей от собственника, в сочетании с ротацией участков, во-первых, резко снизят заинтересованность крестьянина в правильном ведении производства на арендованной земле (инвестировать в улучшение почвы, поддерживать рациональный севооборот, устанавливать на участке вспомогательную технику, например оросительную сеть на участках, требующих регулярного орошения), во-вторых, создадут неизбежные трения между работником и арендодателем вплоть до открытых конфликтов.

Появление такой неблагоприятной социальной атмосферы в деревне, несомненно, многократно усилит отток из сельского хозяйства наиболее трудоспособной части сельского населения – как рядовых арендаторов, так и специалистов-аграрников.

Самое же главное состоит в том, что новые отношения на земле – «зависимый и бесправный работник – не ограниченный в своих действиях крупный собственник» – может повлечь за собой полное разрушение деревенского уклада жизни, уже пережившего крупные потрясения в период коллективизации, но сумевшего «плохо-бедно» приспособиться к условиям выживания социалистического периода. Будут сломлены все стереотипы отношений в самом крестьянском сообществе, исчезнут сложившиеся внутри него формы взаимопомощи, новые трудности возникнут не только в основной работе крестьянина, но и в ведении его личного подсобного хозяйства (вспашка огородного участка, привоз дров и пр.).

Отток сельского населения в города, где его не ждут подготовленные рабочие места, повлечет его профессиональную и социальную деградацию, создаст еще одну острую проблему управления народным хозяйством – при том, что сельское хозяйство России в настоящее время уже испытывает реальную нехватку квалифицированных работников.

Нет сомнения, что разрушение существующего деревенского уклада, со всеми отмеченными негативными последствиями, усилит атмосферу социальной напряженности во всем обществе, породит массу управленческих проблем в первую очередь таких, как обеспечение внутреннего потребительского рынка, поддержание производства технических культур, создания новых рабочих мест для обустройства «вытолкнутого» из села «излишнего» трудоспособного населения.

Как свидетельство тупикового состояния внутренней политики в сфере земельных отношений, а отсюда – и в сельскохозяйственном производстве в целом, хотелось бы процитировать ответ вице-губернатора Московской области А. Пантелеева на вопрос: «Развитие сельского хозяйства в крупнейшем регионе страны под реальной угрозой, а какова на это реакция областного правительства?» По словам А. Пантелеева, «Федеральное законодательство, с одной стороны, предоставляет нам определенные полномочия в сфере регулирования земельных отношений, а с другой – содержит нормы...не позволяющие правительству области эффективно влиять на ситуацию в сфере сельского хозяйства, особенно в части целевого использования земли и сохранения сельхозпроизводства».

Причина? «Любые попытки давления на новых собственников расцениваются как вмешательство в коммерческую деятельность и ограничение права частной собственности» [Московия 2006]. Другими словами – сложилась парадоксальная ситуация: будучи по рукам и ногам связанной теориями неолибералов о «священном праве частной собственности» администрация ничего не может предпринять даже тогда, когда явно видит вред народному хозяйству от бескомпромиссной реализации этого права.

Напрашивается мысль, что ситуацию может значительно улучшить введение в практику административных органов требования к новому собственнику о предоставлении перед регистрацией его права документа типа бизнес-плана, содержащего указания на характер будущего использования земли, наличие у претендента достаточных средств для ведения хозяйства, предлагаемые пути решения неизбежных при этом проблем занятости местного населения.

И, конечно, даже сейчас, при всей недоработанности законодательной базы землепользования, администрации имеют правовую основу для контроля заключающихся сделок коммерческих структур с владельцами земельных паев и соответственно пресечения «обманных» сделок (покупку паев за бесценок) и других махинаций с недвижимостью. Немаловажное значение может иметь то обстоятельство, что отсутствие достаточно эффективной защиты земельных прав крестьянского населения приведет к дальнейшей потере его доверия к правовой системе и деятельности местных администраций.

Если тенденция дальнейшей экспроприации крестьянства и расширения латифундизма будет продолжаться, можно предвидеть полный развал нынешнего деревенского уклада и появления на его месте новой социальной структуры. В сельской местности эта структура будет представлена: 1) крупными землевладельцами, живущими на ренту и доходы от несельскохозяйственного использования земли; 2) наемным трудом (подначальными землевладельцу арендаторами, наемными работниками в хозяйствах самих земельных собственников, многочисленной прислужкой); 3) крупными пользователями леса, водоемов, карьеров и других природных богатств. Несколько разбавлять эту структуру будут специалисты сельхозпроизводства, местная интеллигенция и работники управленческих структур, материальное положение и социальный статус которых также во многом будут определяться местной богатой верхушкой. Эконо-

мические и социальные результаты подобной трансформации деревенского уклада, как можно предположить, во многом будут негативными, особенно учитывая специфику нынешнего российского капитализма. Во всяком случае, первое, о чем можно сразу забыть, это – социальная поддержка и социальные гарантии населению, такие как своевременная выплата зарплаты наемным работникам, медицинское страхование, пенсионное обеспечение, стабильная работа (аренда для нанимателей земельных участков), попечение над социально уязвимыми слоями населения (женщины с малолетними детьми, инвалиды и пр.). Нельзя не учитывать, что население еще помнит, что в социалистический период нашей истории крупные сельскохозяйственные предприятия, а также сельскохозяйственные отделы райкомов партии в той или иной мере участвовали в поддержке социального развития села. Известно, например, что колхозы и совхозы посылали молодежь на профессиональное обучение; помогали в бытовом обустройстве приезжавшим на работу молодым специалистам и т. д. Вряд ли можно ожидать этого от «новых лендлордов».

Неизвестно, как будут складываться производственные и бытовые отношения новых собственников земли с малыми землепользователями, в том числе владельцами фермерских хозяйств. Вряд ли крупные землевладельцы будут поощрять мелкие фермерские хозяйства, скорее, напротив – всячески прижимать их, создавать искусственные трудности, изгонять их из пределов своих доменов и организовывать «недружественные поглощения».

Вероятно, будет меняться и социально-политический климат в обществе. В соответствии с логикой всех нуворишей «лендлорды» будут стремиться к объединению в свои «клубы», постепенно входить в политическую жизнь страны, в первую очередь, – ставить под собственный контроль политические структуры муниципальных территорий. Это, может быть, далекая, но крайне серьезная перспектива для социально-политической будущности российского общества.

Нельзя не упомянуть еще об одной стороне дела. Как известно, в 1970-х годах в СССР внимание общества было привлечено к комплексному развитию сельского хозяйства (программа развития АПК) или более тесному взаимодействию производства сельхозпродукции и связанных с ним обслуживающих и поддерживающих отраслей промышленности. При этом предполагалось максимальное приближение последних к сельскохозяйственному производителю, вовлечение сельского сообщества в создание и функционирование промышленных предприятий путем гарантированного снабжения их сельхозсырьем, долевым участием совхозов и колхозов в их инвестировании, предоставлении трудоспособной рабочей силы, участия в дорожном строительстве, обеспечении транспортных услуг. Основной организационной формой подобной производственной кооперации должны были стать «организационно оформленные в единое целое аграрно-промышленные комбинаты и аграрно-промышленные объединения, в основе которых лежит отраслевая интеграция на договорных началах» [Аграрно-промышленный комплекс 1973, с. 102–108]. Подобное направление развития сельскохозяйственной отрасли уже доказало свою эффективность и жизнеспособность в ряде зарубежных стран (в частности, на этой основе с начала 1960-х годов строились отношения сахарной отрасли в Паки-

стане с производителями сырья. Заводы при этом дополнительно субсидировали сельского производителя). Помимо ряда дополнительных преимуществ для сельского хозяйства (улучшаются условия сбора и хранения урожая, его сбыта, сокращаются транспортные и прочие накладные издержки), достигается и улучшение условий жизни местного населения (в частности, обеспечение занятости и повышение уровня семейных доходов).

Развитие производственной кооперации между сельским хозяйством и промышленностью на базе АПК имело, на наш взгляд, хорошие реальные перспективы. Совхозы и колхозы, при всей их финансовой слабости, владели определенными активами, которые могли быть использованы в производственном процессе промышленных предприятий и обустройстве инфраструктуры для них; село обладало большим количеством сезонно незанятой рабочей силы, несомненно, нуждающейся в дополнительном заработке; испытывало трудности с доставкой и сбытом сельхозпродукции, которые могли быть ослаблены в случае интеграции. Одновременно и промышленные отрасли получали экономию на внешних расходах от вхождения в подобные объединения.

Параллельно с развитием интеграции сельскохозяйственного производства с промышленностью определенное развитие получали и прямые контракты промышленных отраслей (например, машиностроения) с трудовыми ресурсами села (известны случаи использования труда сельских жителей на сборке телевизоров и другой бытовой техники).

В условиях, которые складываются на селе в настоящее время, о любых формах подобной интеграции сельхозпроизводства с промышленностью скорее всего придется забыть. Новый собственник, по всей видимости, не будет заинтересован в колоссальных тратах, которых потребует создание подобных интеграционных связей, а раздробленному и малоимущему крестьянству самостоятельно не «поднять» их.

Для оценки приводящих негативных последствий разрушения крестьянского уклада в России следует, на наш взгляд, учитывать его нынешние специфические особенности.

1) Значительные масштабы сельского и сельскохозяйственного населения в общей численности населения страны.

2) Сельскохозяйственная деятельность в ее различных формах, в силу особенностей исторического развития России, до сих пор остается незаменимым прибежищем многих групп социально малообеспеченных и слабозащищенных слоев населения (многодетные семьи, неполные семьи с малолетними детьми, пенсионеры и лица предпенсионного возраста, бывшие военнослужащие). Ведение приусадебного хозяйства их финансовые тяготы.

3) В сельской местности растут и воспитываются крупные контингенты молодежи, из которой со временем рекрутируется основной состав армии, работников городских предприятий и учреждений, младшего персонала системы здравоохранения и пр.

В пользу крестьянского (фермерского) землевладения в противовес латифундному говорит и то, что развитие крестьянских хозяйств не ограничится занятостью на земле лишь владельцев участков и членов их семей. Понадобится

широкое привлечение дополнительной рабочей силы (механизаторов, мелиораторов, специалистов по агротехнике, водителей транспортных средств, работников животноводческого комплекса и т. д.). Таким образом, будут появляться и закрепляться новые рабочие места – фактор, значение которого трудно переоценить в условиях безработицы и необходимости укрепления всех сторон жизнедеятельности АПК.

Возвращаясь к тому, с чего мы начали эту статью, следует заключить, что из многих системных деформаций, возникших в экономике России в пореформенный период, «земельный передел» и тенденция неизбежного исчезновения деревенского уклада в пользу латифундий являются наиболее разрушительными. Противостоять такой тенденции – одна из важнейших, на наш взгляд, задач нынешней внутренней политики. В числе средств этой политики – всемерная поддержка успешно работающих государственных предприятий в сельском хозяйстве с особым упором на хозяйства, использующие передовые технологии в аграрном секторе – в семеноводстве, племенном животноводстве, производстве кормов; рациональном ведении севооборотов и использовании других современных агротехнических методов; более основательная, чем в настоящее время, поддержка малых товаропроизводителей, защита их прав на сельскохозяйственные угодья, развитие их добровольной и многосторонней кооперации.

Литература

- Аграрно-промышленные комплексы / Под ред. проф. А.Ф. Тарасова. М.: Мысль, 1973.
Кузьмин С.А. Занятость: стратегии России. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
Кузьмин С.А. Социальные системы: развитие и метаморфозы. М.: Academia, 2005.
«Московия». 15.02.2006.
«Московия». 26.04.2006.
Московский комсомолец. 1.12.2005.
Пашня без башни // Московский комсомолец. 17.04.2006.
Российский статистический ежегодник – 2003. Госкомстат РФ, 2003.
Российский статистический ежегодник – 2005. Госкомстат РФ, 2005.
Стратегия развития предпринимательства в реальном секторе экономики / Под ред. Г.Б. Клейнера. М.: Наука, 2002.
ТВ, 3-й канал, программа «Наша версия». 28.06.2006.
Феклюнин С. Подмосковье берут с паями // «МК». 1. 12. 2005.